
А. Погодин

К вопросу о национализме

Роковым образом мы идем к этому вопросу, который еще так недавно был совершенно чужд русской интеллигенции, а теперь выдвинут жизнью так резко, что от него уже не отчураться. Русско-японская война, революция и потом реакция с ее «национальными союзами» и другими уродливыми проявлениями чувства, которое при большей сознательности нашего общества вылилось бы в совершенно иные формы, поставили перед нами проблему, что значит быть русским и хорошо ли, важно ли для развития России, чтобы ее граждане именно чувствовали себя русскими. Полемика, завязавшаяся по этому вопросу, чрезвычайно характерна; кажется, после «России и Европы» Данилевского, грозной отповеди на нее Соловьева и статей покойного профессора Градовского это первые выступления того сознания, которое просыпается, наподобие инстинкта самосохранения, у народов в минуты угрожающей им опасности. Национализм — чувство прежде всего боевое. Когда народности, господствующей в государстве и чувствующей свою ответственность за его сохранение и благополучие, угрожает опасность именно как народности государствен-

ной, она испытывает особенно остро свое национальное я и под знаменем его собирает тех, кому дорога целостность государства. Минин был несомненным националистом — великороссом, когда он призывал народы к защите московского царства от поляков, шведов и казаков-малороссов; ему было дорого то национальное начало, которое было чуждо окраинным казакам, и здесь государственное сознание слилось с чувством своей народной отдельности. Этот национализм общего характера не связан тесным образом с теми или иными особенностями быта: саксонцы, баварцы, пруссаки отказались от употребления в литературе своих местных наречий, которыми они пользовались до Лютера, и стали писать на языке, созданном Лютером и его последователями. Австрия дает пример того, что народности, даже различные по своему племенному происхождению, могут быть проникнуты одним национальным чувством, известным у нас под неправильным названием австро-славизма. Не трудно представить себе мусульманина-татарина, еврея, литовца, прибалтийского немца, которые любят Россию как свою родину, лишь в ней чувствуют себя хорошо, готовы бороться за ее развитие и крепость. Это — национализм строительный, государственный, создающийся общей историей и общими интересами; он часто покоится где-то под порогом сознания, но, проникая иногда у некоторых и в сознание, принимает именно указанные формы.

Теперь мы испытываем потребность в пробуждении именно такого национализма, так как лишь на его основах можно дать России утраченную ею отпорную силу и вдохновить творческими стремлениями ее государственное строительство. Для этого же необходима борьба с национализмом физиологическим, который коренится в том, что народность сильнейшая стремится навязать народностям слабейшим государственный быт, им чуждый или их ограничивающий. Поляки из Познани стали на стражу своей народности лишь тогда, когда правитель-

ство Пруссии признало в них элемент, для государственной целости опасный, подлежащий искоренению именно как этнический элемент, — и лишь тогда поляки стали силой, действительно угрожающей немецкой государственности. Но лужичане в той же Германии не представляют явлений национализма опасного, потому что боевая сторона его направлена к отстаиванию таких ценностей, которые государство должно признавать без всякой для себя опасности.

Спор о национализме можно было бы свести к следующим положениям: народности, достигшие известного культурного развития, предъявляют к государству требование на признание за их культурой тех прав на самоуправление и национальную школу, которые заключаются в разумной децентрализации государственного управления; добровольно соглашаясь на эти требования, государство делает национализмы провинций для него не опасными; но если между ним и этими национализмами начинается борьба, то государство находится в положении больного, у которого нарушено соответствие красных и белых шариков в крови. Борьба между народностями равноправными менее вредит государству, нежели борьба между государством, которое говорит от имени господствующей народности, и этими национализмами, принимающими в таких случаях характер оперативных стремлений.

В ту эпоху нашей истории, которая началась со времени аннексии Боснии, — факта, имеющего громадное значение для нашего национального пробуждения, — становится ясным, что наш государственный национализм должен изливаться в еще более широкое море, в море славянства. Тогда он охватит еще более широкие пределы и приобретет европейское значение. Но — увы — нас разделяет нелепая, ненужная война между государством и народами, составляющими его.